

ПОХОРОНЫ

Свершилось. Закончилось то, чего тайно ждала Тоня Малина: не приходя в сознание, умер ее муж Василий.

Василий уже много лет тяжело страдал. Это был человек маленького роста и щупленький, вечно подобострастный на людях, а дома бушевавший как ураган. Его уже седоватые волосы скатывались на глаза, глаза разбухали и становились красными, а по вискам струился пот, когда он во хмелю начинал устанавливать в доме порядок. Таких людей на работе не любят за запах алкоголя, за ненадежность, за робость и страх перед начальством, не любят за то, что свойственно бывает каждому.

Василий очень переживал, переживал из-за несправедливости. Он переживал, когда разрушился великий СССР, когда к власти стали приходить, с его точки зрения, «лишние» люди, когда на его глазах завод, на котором он работал, был продан, а затем перепродан, и теперь уже разделен на части, в каждой из которых царствовала «фирма-однодневка» или «фирма-скороспелка», как называл он этих маленьких и внезапно выросших карликов. В одном из этих карликов, занимавшемся сбытом бытовой техники, он и работал теперь. Работа не приносила ему удовлетворения, он зарабатывал небольшие деньги, чтобы пропить их и проесть и, сколько останется, принести домой. Потерялся смысл.

Вот тогда – в прошлом – смысл был. Он состоял в устремлении в светлое будущее, в гордости за мощную державу, за ее славную армию. И, хотя не было доверия к тому, что говорили деятели партии и правительства, но ведь надо же было во что-то верить! Да, были у них на заводе хапуги и пьяницы, но с этим боролись, это пресекали и даже реагировали на жалобы и предложения. Была какая-то правда, устоявшаяся, хоть и ненадежная. И вдруг в одночасье все спустили с молотка. Почему? Василий ломал голову над этим вопросом, но не было на него ответа...

Страшнее всего стало отношение к людям, простым работникам. Раньше давали грамоты, денежные премии, награждали званиями «ударников», с почетом провожали на пенсию. Теперь же... Особенно поразил Василия случай с его отцом Никодимом Васильевичем.

Никодим приехал в Новостроевск после войны. Он поднимал завод, при нем завод вышел на всесоюзный уровень. Занимая скромную должность мастера, а затем – начальника цеха, он добросовестно трудился на заводе сорок лет и всегда пользовался уважением товарищей.

Но однажды, уже после второй перепродажи завода, его вызвали к директору. За столом сидел толстый молодой человек в светлом костюме и с красными щеками и курил сигару, пуская дым прямо в лицо собеседника. Это был ставленник криминалов-перекупщиков.

– Ну, батя, ты у нас заработался, – сказал он Никодиму, – тебе уже 66-ой пошел. Забирай свои манатки и получай расчет. С завтрашнего дня ты у нас не работаешь.

Никодим сначала ничего не понял, туман стоял перед глазами, вся его жизнь на заводе промелькнула в мгновение. Но когда он получил обходной листок, когда сходил в бухгалтерию за расчетом, правда стала доходить до него. Больше всего в голове сверлила мысль, что он скажет жене, когда придет домой.

Пошатавшись по улицам, он вернулся домой поздно вечером, медленно снял верхнюю одежду, сел за стол, на который жена поставила кушанья, и молча неторопливо, как обычно, поужинал. Затем, не сказав ни слова, лег спать и ночью умер...

Для всей семьи Малиных это стало страшным ударом. Совпало две несправедливости: безжалостное увольнение и внезапная смерть. «*То есть ни у людей, ни у Бога нет правды*», – такая мысль засела в голове Василия, и с тех пор он начал сильно пить.

Мать Василия Матрона Михайловна после смерти мужа долго не могла успокоиться. Она была верующей в Бога, хотя и не крепко, а так, как все веруют – немножко. Сильно переживая за мужа и за все, что случилось, она решила обратиться к священнику.

В Новостроевске была одна церковь, принадлежавшая древнему селу. В советское время церковь была разрушена и использовалась для хранения удобрений. После войны оставшиеся жители села церковь восстановили, и в ней стали совершаться богослужения. Постепенно церковь эта стала церковью не только для села, но и для жителей вновь созданного Новостроевска. Между администрацией завода с его парткомом и церковной общиной все время возникали конфликты. В начале шестидесятых парткомовцы добились закрытия церкви. Не

укладывалась в мировоззрение коммунистов идея Бога и Царства Небесного, ибо своими руками и сами хотели они построить царство добра на земле.

Теперь же – уже два года как церковь восстановили, и в ней служил молодой священник отец Сергей Новиков.

Новостроевск и село Красные Закаты разделял овраг, казалось – этим природа подчеркивала, что старое и новое не соединимы. По каменистому склону надо было спускаться осторожно, чтобы не оступиться. По прямой от города до села было два километра, а в объезд идти или ехать – пять.

Холодно было на душе, холодно и на улице. Недавно выпавший белый снег подчеркивал траур черных деревьев. Вдова решила идти весь путь пешком по шоссе. Дома она сама накрыла поминальный стол и приготовила угощение, а в церковь пошла одна – семейные отказались. Скользкая дорога, опасно обгоняющие машины, сильный ветер утомили пожилую женщину.

Она медленно зашла в церковь и перекрестилась. И вспомнила, как венчались они в этой церкви с Никодимом сорок лет назад, как наивно и восторженно любил он ее, как они стояли под венцами, ничего не понимая от волнения, и как старенький поп благословлял их. Матрона заплакала, она залилась слезами, вспомнив Никодима как живого. «Почему, почему Бог так рано взял его от нее?»

Из алтаря вышел отец Сергей. Он участливо спросил Матрону, почему она плачет, и предложил помолиться. Матрона зажгла свечу, стала перед кануном – четверугольным кубической формы столиком. Перед окружавшими ее иконами, как перед живыми святыми, мерцали звездочки лампадок. Отец Сергей в черной просторной рясе, в скуфье, в епитрахили и поручах, благословив кадило, положил начало.

Матрона не понимала слов, но она сейчас точно стояла перед Богом и перед Никодимом, и дым кадильный их окутывал и соединял. Священник двигался вокруг кануна, опускалось и поднималось кадило, и красный свет лампад и свечей отражался в его серебряной чашечке. Развевались ткани черной рясы и золотой епитрахили, как порхающие черные вороны и золотые павлины.

На душу Матроны снизошел мир, и она успокоилась, и уже не было у нее вопроса, почему Бог забрал Никодима. Но, если душа успокоилась, то ум не мог понять и принять этого. И Матрона попросила священника поговорить с ней.

Отец Сергей был молодым священником. Еще недавно он учился в Семинарии и только два года как служил на приходе. Они сидели рядом на скамеечке, и запах ладана явно и остро ощущался в воздухе. Опущенная голова священника

говорила о внимании и смирении, а Матрона, будто стыдясь и переживая о ненужности своего вопроса, смотрела на руки священника. Они были белые и маленькие, бескровные, как будто выточенные из мрамора. У Матроны же руки были большие, мясистые и красные, и обручальное кольцо еще было на левой руке. Лицо священника обрамляли длинные волосы; они ложились на плечи и закрывали глаза от сидевшей рядом розовощекой от прогулки и покрытой пуховым платком Матроны.

– Так почему же, батюшка, Бог забрал его, и почему, почему именно в такой день, когда его уволили с работы?

Жизненного опыта у молодого батюшки было еще очень мало, но он старался ежедневно читать своих духовных руководителей – давно почивших святых отцов Церкви Божией. Отец Сергей задумался. «Что может он сказать этой несчастной женщине, чтобы не обидеть ее и восполнить ее убывающие в горе душевные силы?»

– Матрона Михайловна, непростое это дело – судить о Промысле Божиим и почему так Бог устроил. Но во всяком событии надо стараться увидеть две стороны: Божественную и человеческую.

С Божественной стороны – Бог есть наивысшее Добро и Благо, и Он хочет человеку блага, поэтому забирает его в самый удобный, подходящий для его спасения, момент. Ведь неизвестно, какова была бы жизнь Вашего мужа после увольнения, и это знает только Бог.

С человеческой стороны – с Вашим мужем поступили очень жестоко. Человек более 40 лет отработал на заводе, постоянно получал награды и премии, и вдруг без благодарных проводов его просто так взяли и выгнали, выбросили, как отработанный и ненужный материал. И что произошло? Никодиму была нанесена тяжелая рана. Он помнил о своих заслугах перед заводом, наверное, даже был горд этим, и тут – мощный удар по его самолюбию, его гордости. Его гордость, его «Я» были настолько поражены, что он даже с Вами не поделился, ему стыдно было, и его сердце не выдержало этого потрясения.

А если бы он был верующим, то вспомнил бы слова Христа, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, и тогда бы он стал каяться, что сам грешен, стал бы молиться о прощении врагов своих, и обида сменилась бы грустью, сознанием своей грешности, и копьё злобы пролетело бы мимо.

– Ах, вот оно что, батюшка, – говорила Матрона, – и я виновата: не распросила его, не увидела его печали, не отогрела, в церковь не привела.

– Да, да, Матрона Михайловна, именно в церковь, ибо здесь Сам Бог присутствует, и сказано в Божией Книге: «На Бога возложи печаль свою, и Он тебя утешит».

Матрона была вполне удовлетворена ответом священника и полностью успокоилась. С этого времени стала она усерднее молиться Богу и регулярно посещать Богослужения.

А сын Василий стал пить и донимать мать свою за ее религиозность, так как решил он после смерти отца, что никакой правды и никакого Бога нет. Жили они все вместе в пятиэтажном доме, в трехкомнатной квартире – Матрона, Василий, жена его Антонина и их сын Михаил. Несколько лет после смерти отца все жили в атмосфере пьяного угара Василия. Приходил он когда хотел, ругался нецензурно, поднимал руку и на жену, и на сына, а однажды поднял ее и на свою мать.

Жизнь семьи превратилась в ад. Когда Василия не было дома, все наслаждались тишиной. Когда же он приходил, все прятались по углам маленькой квартиры.

Матрона Михайловна пыталась образумить сына: то она просила его поехать на прием к доктору-наркологу, то просила встретиться со священником, но просьбы ее в лучшем случае встречались молчаливо и безответно, а в худшем – в ответ раздавалась брань, оскорбления и заявления о том, что он, Василий, совершенно здоров, и у него все в полном порядке.

Когда человек чувствует себя здоровым, а окружающие его здоровые люди видят его больным, то это свидетельствует о помрачении ума человека и явном действии нечистой силы.

Итак, что бы ни предпринимали ближние Василия, все оставалось тщетным...

Пристрастие к спиртному появилось у Василия Никодимовича очень давно. Это началось еще на студенческой практике в колхозе, когда вырвавшиеся на свободу студенты после получки ящиками покупали вино и заливались им до полного одурения, или когда распивали вино в коридорах, когда ходили на танцы, или когда встречались с друзьями дома и пили вино перед прогулкой. Сначала винопитие было непривычным и вызывало в организме Василия ответную реакцию: похмелье с головной болью, тошноту. Но потом он втянулся, пить стало легче, и в охотку выпивал он с друзьями в их день рождения и, само собой, выпивкой отмечал Великую Октябрьскую, Первое и девятое мая, 8-е марта и день Советской Армии и, конечно же, выходной день. А утром уже требовалось

опохмелиться – и все это было привычным делом для очень и очень многих порядочных советских людей.

Посчитавшие религию «опиумом для народа» советские вожди в то же время постепенно наращивали производство водки, чтобы народу легче было «напиться и забыться», поскольку трезвому было явно видно несоответствие теории практике. На пьянство закрывали глаза, и все перевоспитание пьяниц сводилось к «проработке» их на разных комитетах и советах по борьбе с алкоголизмом. В такой обстановке Василий мог с чистой и спокойной совестью сказать: «Пью так, как пьют все советские люди».

Смерть отца явилась тем спусковым крючком, который из обычного советского пьяницы сделал Василия пьяницей беспробудным. Для Василия отец был олицетворением всего самого истинного, надежного, ответственного. Он, кстати, никогда не видел отца пьяным или разъяренным. Отца, бывшего одним из лучших работников завода, каждый год хвалили и представляли к наградам. И когда отца уволили, поправ веру Василия в него, и когда отец в ту же ночь умер, вера в справедливость, честность, ответственность, в то, чем обладал отец – то есть в самое высокое и святое, пошатнулась в Василии. Он, будто прозрев, увидел, что все это святое есть обольщение, ложь и мираж. Что все-все в мире несправедливо, и нет вообще никакого Бога. И Василий сознательно перешел на сторону врага – стал мстить всему лучшему, презирать все стоящее, ненавидеть хорошее и во всем видеть плохое.

Одним словом, Василий «сорвался с тормозов», и болезнь его алкогольной зависимости стала прогрессировать угрожающим порядком так, что уже и дня не мог он прожить, не залив себя этим «истинным опиумом», отключавшим его от «бессмысленной и лживой» жизни.

* * *

...Поминальный стол был накрыт в большой комнате. Руками Матроны было приготовлено все: и соленые огурчики, и грибочки, и салаты, и курочка. Были приглашены родители жены Василия и некоторые товарищи Никодима. В комнате стояли купленные Никодимом секретер, диван, телевизор – все, что мог позволить себе советский инженерно-технический работник.

К шести вечера стали по одному приходить гости. Они целовали хозяйку, приносили гостинцы, причесывались перед зеркалом, заходили в комнату и садились за стол. Наконец, собрались все гости, не было только Василия. Наконец, ворвался и он – возбужденный, красный и пьяный.

Оказывается, вместе с коллегами – товарищами по работе, они по-своему отметили день памяти отца. Собрались в подсобке и распили две бутылки на пятерых. Вспомнили доброту и отзывчивость Никодима и то, что он был снисходительным к людям, вспомнили и о том, как выгнали его с работы. Василий расплакался.

– Я бы этого белого борова своими руками из «калашникова» бы расстрелял, – закричал он, вспоминая временщика-директора.

– Но ведь Никодим был добрым человеком и, наверное, Богу угодил, – вдруг вставил один из собутыльников.

– Я тебе дам – «Богу»! – весь ощерился Василий. – Нету Бога, какой Бог, если он его в такой день забрал? Человеку тяжело было с этим справиться, а Бог ещё утяжелил? Какой же это тогда Бог?

Все замолчали, понимая состояние Василия. Потом допили водку, и Василий отправился домой на отцовские поминки.

...В конце стола стояла фотография Никодима. Она была перевязана черной лентой, перед ней горела церковная свеча, а выше на стене висела икона Спаса – подарок родителей Никодиму и Матроне. Все неподвижно сидели и молча ели. Время от времени вставал кто-то из гостей и вспоминал какой-то случай или характер покойного и предлагал выпить за его светлую память.

Василий неизменно комментировал выступление каждого гостя, как диктор на Уимблдоне – удар каждого теннисиста. Комментировал ядовито, колко и противно. Он не стеснялся говорить гадости, иногда нецензурно, и когда его мать рассказала, что сегодня в церкви молилась за покойного, он не выдержал, расхохотался – и вдруг схватил пустой графин и запустил им в икону. Это произвело на всех ужасное впечатление.

Стало грустно и пусто, и как будто что-то ушло из квартиры... Была еда, водка, общество близких людей, но будто не было уже с ними Никодима, а без него и радость – не в радость, и общение – в тяготу. И все захотели побыстрее уйти – будто бежали с обреченного на гибель корабля... Вставали гости по одному и отпрашивались, и уходили, и уже через два часа остались только самые близкие – Матрона, Василий и его жена с сыном.

Матрона и Антонина привыкли к грубостям Василия, как привыкает к грязи давно не мытое тело, или как привыкают к тюремной похлебке те, кто долго ее ест. И виноваты тут не похlebка и не грязь, а сам человек, который срастается с

новым положением, и ему уже удобнее не мыться, и уже приятной становится еда с тараканами...

...Матрона смотрела на сидящего за столом Василия и вспоминала рождение первенца, и как Никодим с цветами поздравлял ее в роддоме; вспоминала, как они отводили мальчишку в детский сад, а он горько плакал и упирался; вспоминала, как учился он в техникуме; как вместе с Никодимом воспитывали его, когда тот приходил домой пьяным; как искали ему невесту – порядочную девушку и как приходилось перед ней краснеть за своего сына...

А Василий в крайнем раздражении наливал и наливал себе водку, и шипел, и ярился, и пучил глаза, как потревоженная змея. Наконец, не выдержав психологического давления не понимающих его родственников, он выбежал в коридор, схватил пальто и выскочил на улицу.

Он пропал несколько дней. Потом его, без сознания, нашли в каком-то притоне, отвезли в больницу, но спасти не смогли. Василий умер.

...Завтра предстояли похороны. Матрона Михайловна ходила в церковь и договаривалась со священником о похоронах.

«Трудно отпевать нецерковного человека, особенно такого как Василий, – думал отец Сергей. – Но как откажешь матери, переживающей вторую смерть?»

Да, Василий был пьяницей, а в Евангелии говорится, что пьяницы Царства Небесного не наследуют, но там не сказано, что молиться за них нельзя. Да, Василий не был церковным христианином и не ходил в церковь к исповеди и святому причастию, но, по правилам церкви, нельзя отказать в отпевании по этой причине, так как никто не знает жизни человеческой и не может судить – а вдруг когда-нибудь он и был на исповеди.

Хуже всего то, что Василий злоречил на Бога, восставал на Него. Но это было связано с помрачением его озлобленного ума и могло быть истолковано как болезненное душевное состояние, когда человек «не ведает что творит».

И батюшка решил отпеть душу раба Божия Василия.

В означенный день в церковь привезли покойника. Привезли с вечера. Поставили гроб посреди церкви, зажгли свечи в подсвечниках вокруг гроба, поставили аналой в голове покойника, и чтица инокиня Глафира начала читать Псалтирь. Чтение монотонное, неспешное, воздыхание человеческое возносится к Богу, поднимается как кадилый дым. Воздыхание, не зримо вещественными очами, поднимается и поднимается, и соединяется на высоте с другими молитвами,

совершаемыми по всей земле, и с молитвами святых небожителей, и благоуханием приятным приносится к престолу Владыки Неба и земли.

Глафира – инокиня, присланная из соседнего монастыря в помощь отцу Сергию, тщательно относилась к своему послушанию. Одета во все черное, стройная и высокая, с острым куколем на голове она черной свечой возвышалась посреди храма. Верующие бабушки, подруги Матроны Михайловны, упросили Глафиру всю ночь читать Псалтирь так, чтобы прочесть ее от корки до корки.

...В храме тихо и холодно, за окнами сверкают звездочки, и сияет яркая луна, в селе все давно уже спят, а Глафира погружается мыслями в Божественную Книгу, извлекает из нее сокровища премудрости и посылает их Отцу всяческих.

Перед инокиней раскрывается алтарь, как вход в Божественное жилище. Он зияет сейчас некоей черной дырой, невидимой бесконечностью. Раздается потрескивание свечей, и слышны непонятные звуки и скрипы, как будто кто-то ходит вокруг церкви, но не может войти. Становится зябко и страшно...

Нечистый не может войти в церковь – она ограждена крестными знаменами, начертанными на стенах и освященными святым миром. Но он ходит, как лев, рыкающий и ищущий добычи. Он как бы говорит: «Зачем поставили вы Василия в церкви, когда он принадлежит мне?» Но войти в церковь не может.

Инокиня дрожит от страха, слова молитв сбиваются, нагромождаются, путаются, и она останавливается... Потом, перекрестившись, начинает снова... Это похоже на брань – но брань невидимую... Наконец, Глафира справляется с волнением, успокаивается и начинает читать громче и яснее, вдумываясь, как бы впитывая в свой ум Божественные слова, и тихий мир, как мягкий янтарный елей, вливается в ее душу, знак божественного посещения...

..Светает. Снег за окнами начинает алеть. Близится восход солнца. Первым приходит священник. Он одет в длинную шубу, меховую скуфью. Он притопывает сапогами перед входом, стряхивая снег, и заходит в церковь. Размашисто осеняет себя трижды крестным знаменем и кланяется. Благословляет инокиню.

– *Здравствуй, мать Глафира, как провела ночь?* – спрашивает он.

– *Ой, страшно было, батюшка.*

– *Еще бы! Ведь грешника из пасти адовой вызволить жаждешь – вот и страшно, известное дело – от кого страх.*

Отец Сергей входит в алтарь, поклоняется святому Престолу, приготовляет сосуды, вино, просфоры, облачается в священные одежды и дает возглас для на-

чала чтения часов. В это время приходят певчие, прихожане. Прихожан очень мало, так как сегодня будний день. Приходит и уставшая бледная Матрона Михайловна. За ней входят Тоня с сыном.

Начинается Божественная Литургия. Когда священник произносит заупокойную ектению, поминая раба Божьего новопреставленного Василия, Матрона становится на колени и шепчет: «Господи, верю, что Никодим в раю, возьми к нему и нашего сына – непутевого Василия», и слезы текут по ее щекам.

Когда же на Великом входе священник выходит с Чашей, она опять на коленях поминает мужа и сына. Когда же поют «Тебе поем, Тебе благословим», она опять слезно просит Господа о помиловании сына. Но вот подошла пора причащаться. Отец Сергей выходит из алтаря, громогласно призывая всех к явившемуся в Плоти и Крови Своей Христу. Матроне показалось, что это не священник, а сам ангел с крыльями развевающейся фелони и с огненным взглядом вышел с Чашей, блеснувшей как молнией, и она испуганно потупила взор и поклонилась до земли.

Никто не причащался. Так бывает в небольших приходах в будние дни. Литургия и следующая за ней панихида окончились, все замерло в ожидании отпевания. По одному стали приходить родственники. Они приходили ради Матроны, ради Василия и ради чего-то необычного в их жизни, и среди них почти не было верующих. Как «цыгане шумною толпой» заходят они в церковь, многие не умеют перекреститься.

«Вот он – русский народ, вот он – народ православный, – думал отец Сергей. – Что же мне сказать им? Пугать ли их муками ада, или рассказывать о Страшном суде Божиим, призывать ли их покаяться, или рассказывать о любви Бога, безответной и крестной, к непослушному человечеству?! – вопрос оставался вопросом, и не было на него ответа. – Буду говорить по интуиции, – решил священник. – Главное – надо затронуть их за живое, пробудить совесть».

Похороны, равно как крестины и венчание – это, как правило, встреча священника с новыми, обычно никогда не приходящими в церковь людьми, и, кроме совершения самого обряда – это время, когда священник может обратиться к людям, к их душам и сердцам, пытаться достучаться до них, призвать к Богу. И отец Сергей как молодой и ревностный пастырь старался обратить встретившихся ему, и встречных и поперечных, и всех, заходящих в церковь.

Как правило, люди слушали священника с недоверием, с сомнением. Многие даже толком не понимали, о чем он говорит. Многие церковные понятия и тер-

мины для современного человека потеряли смысл, их понимание стало неадекватным. Под покаянием, причастием или исповедью понималось совсем не то, чем это было в сущности. Что значит молиться, а тем более вести духовную жизнь, люди просто не могли себе представить.

Разговор священника с людьми шел в двух параллельных, не пересекающихся направлениях, и именно поэтому не происходило воцерковления – то есть такой христианизации человека, когда церковь становилась для него вторым домом, домом Отца его Небесного. Но отец Сергей поставил себе целью не смущаться из-за непонимания, а хоть до кого-то достучаться, хоть кого-то обратиться к церкви.

...Началось отпевание Василия. Священник открыл царские врата иконостаса, в белом облачении вышел ко гробу и встал за головой покойного. Вокруг гроба выстроились провожающие. Они толпились и за спиной священника, и по правую и левую сторону гроба, и даже стояли лицом к нему и спиной к иконостасу, хотя это и не хорошо – поворачиваться спиной к Богу. Многие с непривычки не могли устоять на одном месте, переминались с ноги на ногу, переходили с места на место, шушукались, и невозможно было всем или каждому сделать замечание и что-то исправить... Так неисправима бывает плохая погода или внезапное происшествие... Певчим и священнику пришлось молиться и петь под гомон, гул и непонимание пришедших.

«Отрешись от всего, прими как данное, представь, что ты один на один с Богом, – учил в свое время о.Сергия его духовный наставник отец Феодор. – Сам будь исправен и других не суди, тогда и другие будут исправляться».

Вокруг гроба стояли Матрона и Антонина с Мишей; стояли бывшие собутельники и коллеги Василия, некоторые были явно во хмелю; стоял директор фирмы Родион Петрович – человек огромного роста и с большими кулачищами; здесь были и родственники Тони и подруги Матроны. Вся эта толпа, разношерстная и, в целом, нецерковная, двигалась и гудела, и только моментами замирала и стихала – и тогда разносился по храму баритон отца Сергия, и тогда за душу хватало зауспокойное пение.

«Упокой, Господи, душу раба Своего новопреставленного Василия в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, – молился отец Сергей, ясно представляя себе, чего он просит у Бога для этого пропойцы. – Какая дерзость!? – думали мнимые праведники, но ведь мытари и блудники опережают их на пути в Царство Небесное, и не наше дело судить, а наше дело – просить и молиться».

Такие мысли проносились в голове священника. Все-все было против Василия – и то, что сказано в Евангелии о «пьяницах, не достойных Царства Небесного»; и то, что церковными правилами запрещено с торжественностью отпевать умершего от винного запоя, а можно только очень и очень скромно; и сама эта обстановка, и хмельные его друзья, пришедшие в церковь.

«Не фарс ли это? – думал священник, – не смеюсь ли я над Богом? Но Бог смотрит на сердце человека, а я не смеюсь, а молюсь, молится Матрона, молятся верующие женщины. Ну а если кто и не молится, а смеется – то Бог ему судья, – и он продолжал возглашать, – упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего», и хор ему отвечал, и служба неспешно и плавно продвигалась вперед.

Но вот черед службы дошла до чтения Евангелия, а затем – и до заупокойной молитвы. Эта молитва называется «разрешительной», так как священник просит в ней Бога о разрешении (прощении) грехов покойному. Перед священником встал вопрос очень сложный: может ли он властью, данной ему от Бога, просить прощения грехов Василию, ибо, во-первых, Василий не был чадом церкви, чадом духовного отца Сергия и, наверное, никогда не ходил в церковь на исповедь, а, во-вторых, он умер, по-видимому, от алкогольного опьянения и в состоянии обиды на Бога.

Первое сомнение могло быть разрешено так: учет исповедующихся в церкви не велся, как это было в России до большевистского переворота, и установить, ходил ли человек на исповедь, было невозможно; кроме того, в правилах Православной Церкви ясно сказано, что если христианин не был отлучен от Церкви законной властью, то его нельзя лишать христианского погребения. Второе – также разрешалось: церковными правилами дозволялось отпевать умершего от злоупотребления крепкими напитками.

Но совесть подсказывала священнику, что есть большая разница между отпеванием церковного, верного человека и отпеванием человека, умершего в разрыве с верой. И хотя жизнь человеческая не известна, и не ведом последний вопль покойного к Богу, у священника всегда может быть предвзятое чувство.

Это чувство может оказаться ложным, и, наверняка, оно ложно. Священник есть посредник между Богом и людьми, он – ходатай и молитвенник за них перед Богом, а это ложное, предвзятое отношение может помешать священнику ходатайствовать и молиться, и тем самым выполнить свое призвание. В Семинарии преподаватель нравственного богословия учил о.Сергия: *«После смерти люди стоят вне суда человеческого, а являются ответственными перед судом Бо-*

жиим». Поэтому судить о покойнике священник не имеет права, но он должен соболезновать ему, плакать о нем, молиться о нем Богу.

И, читая разрешительную молитву, отец Сергей ясно представил себе, что Василий – на самом деле чадо его духовное, и на самом деле виноват не Василий, а он – священник, который не нашел времени посетить семью Матроны, поговорить со всеми ее членами, объяснить им истины веры, помочь им стать чадами. *«Да, Василий, – думал отец Сергей, – ты – чадо мое, брошенное мною и не досмотренное, и я, я виноват..»* – и по лицу его потекли слезы, и он живо представил себе Василия стоящим на берегу огненной реки, называемой адом, и дрожащим от ужаса, и сам священник ужаснулся и полностью прочитал всю молитву, прощая покойному все его грехи и разрешая от тяжкого духовного бремени.

Хотя и мало понимали в отпевании пришедшие в церковь, но душа человеческая – христианка, и души отозвались, и в храме воцарилась гробовая тишина, и все единодушно со священником воздохнули от сердца к Богу, и, думается, если и хотел Архангел столкнуть Василия в огненную реку, то был десницей Божией остановлен, и спасен был Василий от гибели.

И надолго запомнил отец Сергей это отпевание, и зарубилось в его памяти накрепко: *«Ты не имеешь права судить; ты – не судия, а ходатай и молитвенник; твоя обязанность – молиться и любить грешников и стараться спасти их; и ты, ты сам виноват, что они – такие; они – твоя паства, трудись над ними, а не суди их».*

Прочитав молитву, отец Сергей сложил ее и вложил в руку покойного с тем, чтобы предстал он перед Богом с этим напутствием и прощением.

После проповеди, в которой священник пытался сказать о любви к ближнему и молитве за него, присутствующие стали прощаться с Василием. Сначала подходили самые близкие. Матрона опустилась на колени, перекрестилась, поклонилась сыну до земли, поднялась, взяла иконку на его груди и поцеловала ее, потом поцеловала сына в венчик, покрывавший его лоб. По заведенному обычаю, подходили и все остальные. Тоня начала обнимать супруга, пожимать его желтые окоченевшие руки, целовать его в щеку, гладить его белое холодное лицо. Большинство из других прощавшихся просто обошли вокруг гроба, посмотрели на Василия, положили руку на его застывшую грудь.

Хор же, состоявший из двух женщин, одной из которых была инокиня Глафира, пел: *«Восплачьте о мне, братие и други, сродники и знаемые...»* Но плакали только семейные. Чтобы плакать – надо любить, а любовь требует самоотрече-

ния и, следовательно, подвига. От недостатка любви и из-за жестокости людей потерял веру Василий; все его существо было потрясено, и он не смог прийти в себя, отогреться; его недолюбили, и он не любил, и это привело к смерти.

«Почему надо молиться за тех, кто тебя ненавидит? – размышлял отец Сергей. – Ненависть хочет убить любовь, и чтобы этого не произошло, надо молиться за ненавидящих. Молитва за них не дает любви погибнуть. Если же погибает любовь, то погибает человек. От недостатка любви и конец мира близок». Отец Сергей молча стоял на амвоне и взирал на свою паству. Он думал: «Вот – паства твоя, а ты – сеятель. Не смотри, что бедны они и нищи духом. Господь наполнит их духом, и зацветут они любовью и добрыми делами. А ты – помогай Ему».

...Процессия с гробом тронулась на кладбище. Оно было рядом с церковью. Гроб несли друзья Василия. Впереди несли крест, за ним шли священник и певчие, за гробом шли все остальные. Вокруг вырытой могилы все остановились, гроб поставили на доски прямо над ямой, и отец Сергей начал чин литии – краткой заупокойной службы. В ней церковь молится о том, чтобы душа усопшего упокоилась там, где обитают души праведников. Это – особые обители, в которых предначинается райское блаженство.

«Можно ли этого просить, – думал отец Сергей с сокрушением сердца. – Мы стараемся любить покойного, мы хотим увидеть в нем образ Божий. В его жизни было много хорошего, того хорошего, что сам он делал. Он любил родителей и особенно – отца, за него и переживал, и страдал. Он любил по-своему, может быть, эгоистично и самолюбиво, любил свою жену и сына. И никто не научил его любить по-другому, отрекаясь от самого себя. Он умел работать и свои обязанности исполнял добросовестно и ответственно. Виноват ли он в том, что не был с детства научен истинам веры, что не нашлось в его окружении, в советской обыденной среде человека, который просветил бы его верой в Бога, христианской любовью к людям? А в чем он не виноват – то не вменится ему во грех, а в чем виноват – то простится ему. А чем был бы я, – думал о себе отец Сергей, – если бы не особое ко мне призвание Божие? И потому можем мы ему желать упокоения в обителях праведных, тех, кому Бог не вменил греха».

...Матрона Михайловна стояла у могилы уже с высохшими слезами, утихло горе, в сердце пришла отраднейшая мысль о бесконечной милости Божией и о спасении – невысказанном и таинственном спасении ее блудного сына Василия. Тоня с Мишей были успокоенными, как будто потрудились, и теперь пришла пора

отдохнуть. А сослуживцы, товарищи и вчерашние собутыльники не понимали, почему нет печали, и не надо ее заливать сорокоградусной злодейкой...

«Не возможен такой мир в душе, такое успокоение от обычных похорон, – думал отец Сергей. – Это – знак милосердия Божия и свидетельство, что молитва наша не напрасно совершалась».

В этот момент вдруг, внезапно, неожиданно выглянуло солнце. Красноватое и морозное оно осторожно осветило покойника перед тем, как гроб закрыли и опустили в могилу. Оно заиграло на ветвях деревьев, и засеребрилось на морозном инее, и засияло отражением на лицах людей, и непонятная радость сошла в сердца, как будто не на похороны, а на именины приехали все к Василию...

* * *